Веч. Москва - с 5

Скажите — «Дельвиг», и сразу вспомнится не строчка из него, а другое имя — Пушкин, ибо в сознании тех, кто любит русскую поэзию, имена эти соединены какой-то чудной, нерасторжимой связью, каким-то магнетизмом, силовые линии которого не ослабели за полтора столетия.

Антон Дельвиг

А между тем этот ныне полузабытый поэт интересен и самоценен никак не менее своих товарищей по пушкинской плеяде. В подтверждение сего достаточно назвать такие его стихотворения, как «Соловей», «Ноченька», «Пела, пела пташечка...», «Не осенний мелкий дождичек...», ставшие народными песнями, сохранившими в себе всю глубину и обаяние истинно русской поэзии, уходящей корнями своими в глубины фольклора.

Однако сегодня не об этом. Сегодня о том, что коренной москвич барон Антон Антонович Дельвиг был одним из самых близких и любимых друзей Пушкина.

Свидетельств тому — тьма. Самые убедительные — добрая дюжина посвященных «ленивцу праздному» сочинений. Напомним некоторые из них.

Когда постиг меня судьбины гнев,—
Для всех чужой, как сирота
бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев.
И ты пришел, сын лени
вдохновенный,
О Дельвиг мой, твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго
усыпленный,
И бодро я судьбу благодарил.

Эти строки написаны в Михайловской ссылке, в день самого любимого Пушкиным праздника — лицейской годовщины, 25 октября 1825 года. В них — воспоминания о приезде друга.

А вот несколько строф из знаменитого послания «Дельвигу».

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.
Киприда, Феб и Вакх румяный
Играли нашею судьбой.
Явилися мы рано оба
На ипподром, а не на торг,
Вблизи Державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг...
В одних журналах нас ругали,
Упреки те же слышим мы:
Мы любим славу да в бокале
Топить разгульные умы.
Такое не говорится всуе...

Их сблизили годы учебы в Лицее, и близость эта сохранилась всю жизнь. И человеческая, и литературная. Антон Антонович весьма успешно издавал популярные альманахи «Северные цветы» и «Подснежник», был одним из создателей дожившей до наших дней «Литературной газеты», которая сыграла в его судьбе роковую роль.

Пушкин высоко ценил поэтический дар друга, его «необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял», организаторский талант, редакторскую смелость и прозорливость, высокую порядочность, которые отличали этого добродушного человека, о чем свидетельствуют не только воспоминания современников поэта и его стихи, но и около двадцати писем Александра Сергеевича к Дельвигу. Их и сегодня читать — наслаждение. Столько в этих незамысловатых вроде бы строках тепла, дружеской доброты, озорства, юмора, иронии, любви, что сердце замирает при мысли — как трагически много потеряли мы в своем ожесточении, неверии, озлобленности, корыстолюбии в последние годы...

И вот, зная всю силу и глубину дружбы Пушкина и Дельвига, не удивишься ли тому, что черты «названного брата» лишь единожды запечатлел гениальный

карандаш? Да, как это ни странно, нам известен лишь один пушкинский портрет Антона Антоновича Дельвига. Но зато какой!

В годы после Михайловской ссылки они стали особенно близки друг другу. Прежде всего в творчестве, в поэзии, в делах. Пушкин отдавал должное трезвому, ироничному уму Дельвига. В самом деле, его суждения о русской словесности, о творчестве иных собратьев по перу были так глубоки и вместе с тем остроумны, что приводили в восторг Александра Сергеевича. Да и поныне некоторые афоризмы барона не утратили своей актуальности. Ну хотя бы вот этот, особенно ценимый Пушкиным: «Дельвиг говаривал, что самою полною сатирою на некоторые литературные общества был бы список их членов с означением того, что кем написано».

Весной 1829 года, как мы помним, Пушкин находился в Москве, собираясь ехать на Кавказ. В эти дни вышла из печати книга стихов Дельвига. Александр Сергеевич, прочтя ее, откликнулся стихотворением «Загадка» — изящно-шутливым комплиментом другу, отправленным письмом в Петербург. Тогда же был нарисован им и портрет Антона Антоновича в уже известном нам «Ушаковском альбоме» в доме на Пресне, где Пушкин проводил свои «московские досуги». Родился рисунок, вероятно, за беседой о старом добром друге. Не имея возможности сказать ему о своем впечатлении от прочитанной книги, Пушкин вложил чувства любви и уважения в портрет, ставший одним из шедевров его графики. В подтверждение моих рассуждений на сей счет приведу слова Т. Г. Цявловской:

«Рисунок этот является одним из редких для Пушкина законченных графических произведений. ...Открытие этого портрета существенно обогащает иконографию Дельвига... Пушкин, не связанный никакими побочными соображениями, нарисовал наиболее убедительный реалистический портрет располневшего друга и передал умную улыбку «доброго Дельвига».

Возможно, со временем отыщутся и другие изображения Антона Антоновича в бесценной кладовой пушкинских рукописей. Но и тогда, я думаю, они не смогут затмить этот великолепный портрет, донесший до нас живые черты одного из рыцарей российской словесности, честного и смелого борца за человеческое достоинство своих соотечественников.

Утверждать это позволяет мне пусть и недолгая, но светлая, благородная жизнь Дельвига, его деяния, его сочинения. Никогда не умолкнет его «Соловей», озвученный Алябьевым. Будет жить созданная им «Литературная газета». Выше я упомянул о трагической роли, которую сыграло это издание в судьбе барона. В чем же именно эта роль заключалась?

В конце 1830 года на страницах газеты были напечатаны четыре строки французского поэта Делавиня из «Памяти жертв Июльской революции», приведшие в бешенство шефа жандармов Бенкендорфа. Он учинил унизительный и грубый допрос Дельвигу и отстранил его от издания «Литературной газеты».

Антон Антонович не смог пережить этого: осложнились старые недуги, и 14 января 1831 года он скончался от «гнилой горячки».

Утрата потрясла Пушкина. Неделю спустя он писал Плетневу из Москвы:

«Что скажу тебе, мой милый! Ужасное известие получил я в воскресение... Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная, ...никто на свете не был мне ближе Дельвига. Из всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели».

Но Александр Сергеевич в эти дни не только горевал, он и действовал, затеяв издать в помощь семье покойного друга очередную книжку альманаха «Северные цветы». Томик этот на 1832 год собрал все лучшее, что могла вплести тогдашняя русская литература в траурный венок одному из своих подданных, и остался одной из вершин отечественной журналистики.

Собирая сочинения для «Цветов», Пушкин тормошил друзей, поддерживал, одобрял их в трудные для всех дни. Узнав о хандре Плетнева, написал ему строки, которые, на мой взгляд, достойны печататься среди художественных сочинений поэта. Ими и закончу рассказ о портрете барона Антона Антоновича Дельвига.

«Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер. Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти и станет невестой, мы будем старые хрычи, наши жены — старые хрычевки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девочки сентиментальничать; а нам то и любо».

Вот он — Пушкин.

Обопремся же на его оптимизм, как на плечо верного друга.

Алексей ПЬЯНОВ